

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Трибуна художника

Ищу активного героя

А. Гончаров,
народный артист СССР,
лауреат Государственной премии СССР

Когда я думаю о воздействии на человека того искусства, которому посвятил всю свою жизнь, то каждый раз прихожу к мысли о том, какой это сложный и в некоторой степени парадоксальный процесс. С одной стороны, безусловно, хороший спектакль, может быть, более, чем любое другое художественное произведение, будоражит ум и душу. Переживание искусства «живого» актера, удивительное чувство сиюминутного единения людей на сцене и в зале, мгновенный импульс, как ток по проводам, перебегающий от актера к зрителю, — все это привилегии именно театра. С другой стороны, воздействие спектакля в целом идет не прямым, открытым, как статья или плакат, путем, а сложным, опосредованным. И поэтому не ждите от театра «лобового» наказания. То есть, конечно, бывает и такой театр, такие спектакли. Но сегодня это чаще всего беда, с которой необходимо решительно бороться.

Извечная миссия литературы, искусства: «Побуждать общество, каждого человека пристальнее, строже взглянуть на самого себя» — очень точно и емко сформулировал Константин Устинович Черненко самую суть нашего дела в своей речи на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР. Я говорю — «нашего», потому что эти слова можно в полной мере отнести и к искусству театра. Но чтобы «побуждать» человека и общество к самопознанию — для этого нужна сложная партия художественного произведения, а не нотная строка, нужны глубина философского обобщения и яркая образность, а не плоская, назидательная картинка. Открытая тезисность в психологическом театре — родная сестра схематичности. И самую серьезную тревогу вызывает то обстоятельство, что спектакли-схемы иной раз умело прикрываются надежным щитом — актуальной темой. Театр при этом сворачивает с трудной дороги глубокого, честного, гражданского темпераментного постижения мира на протоптанную дорожку «легкой жизни» и в конечном счете просто халтуры.

Я думаю, что пришла пора так же строго, как и за невниманием к общественно значимым, злободневным темам, спрашивать за спекуляцию на теме, за постановки для «галочки». Когда я думаю о воздействии театра на человека, перед моим мысленным взором проходят увиденные в разное время спектакли-потрясения, спектакли, ставшие событием не только театральной, но и общественной жизни, — и знаете, ни один из них не умещается в прокрустово ложе примитивно понятной темы или скоропалительной подготовки к какой-либо дате. Художник должен быть готов к разработке в своем творчестве важнейших социальных значимых проблем. Готов всем своим художническим опытом, своей гражданской ответственностью, своей радостями и бедами своей страны, своего народа.

Но эта творческая, человеческая, гражданская готовность не имеет ничего общего с поспешностью спекулянтов от искусства, стремящихся скорее «отметиться» постановкой на актуальную тему, поставить «галочку» в надежде обратиться на себя внимание. А каков художественный результат подобного «произведения», на каком уровне осмыслено им то или иное важное явление общественной жизни, — в подобных случаях это волнует меньше всего.

Театр в идеале — это

коллектив людей, увлеченных одной художественной идеей. Но когда речь идет о спектаклях-однодневках, моему взору представляется скорее компания, и надо сказать, малопривлекательная. Автор, отбросив муки постижения жизни, творческое мужество, без которого не обойтись, если всерьез размышляешь о важнейших, общественно значимых проблемах, быстренько пишет пьесу на актуальную тему. Увы, на такую пьесу всегда найдется режиссер, который еще более «легко» на подъем» и не менее жаждет до успеха и скорого результата. А затем свою лепту в это «варево» внесет и актер... Спектакль готов, открывается занавес... и смотреть это не хочется.

Я за людей, которые исповедуют не мещанскую и удобопонятную философию: «Хочу жить в искусстве с комфортом», а за тех, кто упорно и мучительно размышляет о жизни и ищет этим размышлениям яркую, адекватную их гражданской значимости художественную форму. Я за тех, кто в своем поиске не устает думать о зрителе, о той обратной связи, что непременно возникает в зале, когда на сцене есть подлинная «жизнь человеческого духа».

И едва ли не самый острый вопрос сегодня в театре — это поиск яркой художественной образности, средствами которой будет представлена эта жизнь. Мы стали грамотны. Мы скрупулезно разбираем пьесу, будучи большими знатоками метода «действенного анализа». Но за анализом должен последовать художественный синтез, должен возникнуть яркий, полнокровный образ. Увы, как часто в современном театре не происходит рождения образа, как часто все остается лишь на стадии подступов к теме. Мы становимся однообразны и скучны.

Убежден, что современная образность театра рождается в первую очередь через актера, через его умение воспринять материал пьесы, «яростно присвоить» его себе и уже от своего имени активно и заразительно передать зрителям.

Человек, его существование — это ведь единственное, что по-настоящему интересно в театре. Все остальное есть и в других видах искусства, особенно в «массовых» его разновидности. Огромное количество всяческой информации получает ежедневно наш современник. Но подлинный театр дает информацию о великой и вечной тайне человеческой жизни. Если же информация театра перестает быть художественной, голос его тонет в могучем хоре всякой другой. Зачем тогда театр?

Влизится праздник, который для нашего поколения стал действительно праздником «со слезами на глазах, с сединой на висках», — 40-летие Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Все театры страны готовятся встретить эту дату новыми постановками. И хорошо бы всем нам, берясь за спектакли о войне, почаще вспоминать то, что сказал К. У. Черненко о воплощении в искусстве военно-патриотической темы. О том, что тема эта «...издавна занимает достойное место в творчестве наших деятелей культуры. Но хотелось бы, чтобы почаще появление таких произведений становилось подлинным событием в художественной жизни страны, в развитии

советской литературы и искусства».

Стоит ли доказывать, что для возникновения подобного события методы упомянутой мной «компании» крайне нежелательны.

И тут я позволю себе вспомнить несколько эпизодов из жизни фронтового театра ВТО, которым я, двадцатидвухлетний, будучи демобилизован после госпиталя, был поставлен руководить. Я вез своих актеров на передний край Северного флота и в блокадный Ленинград. Матросы, стоя в воде, на собственных руках поднимали шлюпку с актерами, которые вечером должны были играть спектакль. Но это была настоящая интеллигенция — старые актеры Малого театра. Они чудесным образом преображались на импровизированных фронтовых сценах. Именно там, на фронте, я остро ощутил, что такое гражданская миссия театра, какой мощной силой воздействия обладает наше искусство. Мы понимали, как мы нужны, как необходимы, как нас ждут. Это было высшее актерское счастье. Знаете, для меня и сегодня эталоном театра является тот, фронтовой. Тот волшебный контакт со зрителями, который возникал у актеров от ощущения себя непосредственным участником важнейших событий. И когда подобный контакт возникает сегодня, я чувствую, что Театр имени Вл. Маяковского вновь стал «фронтовым». Сегодня мы живем в мирных условиях и приходим в театр другими. Увы, нередко бывает, что спектакль состоится, а актер и зритель так и не затронули друг друга. Как же сегодня наладить контакт, подобный тому, фронтовому? Он случается только тогда, когда театр затрагивает горячие точки действительности, «воспаленные зоны» зрительного зала, когда возникает эстетическое и социальное соответствие сцене залу.

А тогда мы играли два спектакля — «Жди меня» К. Симонова и «Женитьбу Белугина» А. Островского. И вот что любопытно: классическая пьеса прошлого века из жизни замоскворецкого купечества воспринималась зрителями не менее живо и современно, чем симоновская, написанная буквально «на злобу дня». До сих пор храню письмо одного бойца: «...Способность русского человека любить так, как любит Андрияша Белугин, поведет меня сегодня в бой...» Вот ведь как неоднозначны, как сложны и прихотливы пути воздействия театра на человеческую душу. И как объемно понятие «тема» — в театре это ведь не только определенная, так сказать, «территория» жизни, но и ее «население» — мысли, чувства, философия, судьбы людские.

Театр, который всерьез озабочен своей воспитывающей ролью, не может мыслить механистически, дробить свою сверхзадачу на отдельные «прикладные» задачи. У него должен быть вкус к глубинной разработке острых проблем жизни, к постоянному поиску той самой «новой художественной информации» о человеке. Этот поиск, эти разработки должны охватывать все репертурное поле: от классики до современной пьесы во всем их тематическо-жанровом многообразии. Если этого нет, актуальная тема не спасет, более того — будет дискредитирована театром.

Сегодня, думая о предстоящем празднике Великой

Победы, я мучительно ищущу пьесу, которая могла бы не просто рассказать о войне, но сделать этот рассказ мощным фактом искусства. И снова сталкиваюсь с тем, что театр не имеет права повторять информацию, заложенную в других видах искусств. Это не должны быть ни документальная хроника, ни описание событий, пусть даже самое талантливое. То есть все это, конечно, может присутствовать в спектакле, но обязательно пропущенное через сиюминутное человеческое существование на сцене, через конфликт, «противостояние», раскрывающиеся на человеческих судьбах. Такого материала сегодня гораздо больше в прозе, чем в драматургии о войне. Мне очень интересны произведения В. Быкова, писателя, который сумел «перекинуть мост» от военных событий к нашим сегодняшним проблемам. Мне кажется, именно такой разговор о подвиге, о нашей исторической памяти, об уроках мужества и духовного величия советских людей необходимо сейчас вести с молодежью. Обращая ее взоры к героическому прошлому народа, надо при этом обязательно апеллировать к нравственным вопросам современности. Подвиг Сотникова, например, выявил в этом человеке такие силы духа, такие могучие способности к преодолению невзгод войны и страха смерти, о которых необходимо говорить сегодня, если мы хотим воспитать социально активных граждан. Почему так широко идет на сценах страны проза В. Кондратьева? Потому что она через суровые подробности военных дней ведет разговор о важнейших нравственных проблемах: о трудности возмужания, личной ответственности каждого, о природе героизма. Этим же привлек нас и пьеса А. Галина «Летят перелетные птицы», в центре которой — наш современник, бывший фронтовик. Действие пьесы происходит сегодня, но прекрасный, яркий и сильный характер этого человека формировался в годы войны.

Вообще крупный социальный конфликт на театре всегда шире конкретной темы. Замечательная пьеса А. Корнейчука «Фронт» была написана на военном материале, а явление «горловых», вскрытое драматургом, шире, оно характерно и для других социально-исторических ситуаций. И ныне конфликт «огневых» и «горловых» может прозвучать на сцене остро и современно. Ведь масштаб героя всегда измерялся масштабом «противостояния», в котором он участвует. За несколько последних сезонов мы уже познакомились с неким типом человека, который несчастен и любит себя своими бедами. Но беда в том, что несчастья его происходят не от борений, а то ли от собственной человеческой несостоятельности, то ли еще от чего... Короче говоря, серьезных «противостояний» у такого героя не было. Нет ничего удивительного в том, что такой герой нам быстро наскучил. Он надоел еще в жизни, не то что на сцене. Нам хочется другого. Но искать его надо только на одной художественной территории — там, где правят не схемы и знаки человеческого существования, а тончайшие подробности его психологической жизни, без которых не обойтись современному театру.

Как не обойтись без высокого эмоционального накала, без новой образности, предполагающей яркую и разнообразную палитру выразительных средств!